

Политика Грузии в отношении к России – вид с близкого расстояния

Дискуссия на данную тему состоялась в Южнокавказском региональном бюро Фонда им. Г.Белля. С докладами выступили депутаты парламента **Гига Бокериа**, **Лаша Нацвлишвили**, а также эксперт по международным отношениям **Георгий Хелашвили**. Модератором встречи был журналист Давид Паичадзе, который во вступительном слове к собравшимся отметил, что ожидает от дискуссии не столько разговоров о российско-грузинских отношениях, сколько описания грузинской политики, которая в значительной мере определяется геополитическими факторами.

Лаша Нацвлишвили:

- С чем мы имеем дело в лице России? Иосиф Бродский как-то назвал ее «второсортной державой». Мы имеем дело с государством, имперские и мессианские амбиции которого приходят в противоречие с его реальными возможностями. Это порождает комплексы, жертвами которых оказываются ближайшие соседи, в их числе, конечно, и Грузия. Наши ментальные и экономические связи с Россией являются следствием посттоталитарного мышления. Я не врач, но слышал, что существуют болезни, излечение от которых происходит посредством инспирации их осложнений. Сегодня весь политический спектр Грузии стоит перед аналогичной задачей. Можно ли говорить о том, что власти Грузии виновны в той политике, которую проводит Россия в отношении к нам? Думаю, что нет. Наша вина в том, что мы стремимся к большей независимости, хотим стать частью объединенной Европы, обеспечить свою безопасность в пространстве Евroatлантического альянса. Вот эти стремления вменяет нам в вину Россия. В подобной ситуации необходим очень широкий общественный и политический консенсус в отношении предпринимаемых властями Грузии политических шагов.

В течение минувших двух столетий у нас не раз появлялась иллюзия того, что посредством заигрываний и выражений доброй воли в отношении России была возможной защита наших суверенных прав. Подобной иллюзией питалась и нынешняя власть. Достаточно вспомнить первый визит президента Саакашвили в Москву. Однако вскоре стало очевидным, что по этому пути мы не придем к намеченной цели. Под целью я имею в виду суверенитет, независимость и достойное существование. Я считаю, что в этом вопросе оппозиция должна поддерживать власть и не спекулировать популистскими заявлениями. Сейчас не время для социального популизма. Если граждане Грузии с пониманием отнесутся к ограничению своих экономических возможностей для достижения подлинной независимости, то этим можно будет только гордиться.

Россия является государством, которое в своих действиях руководствуется не рациональными и прагматичными, а скорее иррациональными мотивами. Это необходимо учитывать.

Я считаю, что окончательный выход из российской орбиты произойдет тогда, когда мы восстановим баланс сил между ветвями власти. Когда этот баланс не будет нарушен в пользу исполнительной власти. Мы выйдем из российской орбиты, когда упраздним «басманное правосудие», больше будем заботиться о защите прав человека, не будем ограничивать деятельность НПО и СМИ. Что касается России, то это страна, в которой публичную власть осуществляют офицеры действующего резерва, имеется Департамент конституционной безопасности, являющийся аналогом Пятого отделения, созданного в свое время Андроповым для преследования инакомыслящих.

Давид Паичадзе:

- Если я правильно понял, одной из причин, по которой Грузии не удастся покинуть российскую орбиту, является то, что структуры государственного управления внутри

нашей страны во многом аналогичны российским. Но давайте послушаем следующего докладчика.

Гига Бокериа:

- Одни обвиняют постреволюционные власти Грузии в чрезмерной лояльности в отношении к России, имея в виду визит Саакашвили в Москву и его встречу с президентом Путиным. Другие, наоборот, обвиняют новые власти Грузии в чрезмерном радикализме в отношении Кремля. Я постараюсь пояснить эту ситуацию. Нашей целью после «революции роз» было налаживание новых отношений с Россией. Мы надеялись совместить наши фундаментальные интересы: восстановление территориальной целостности, интеграцию в евроструктуры и НАТО с установлением добрососедских отношений с Россией.

О готовности к компромиссу с нашей стороны свидетельствовала и позитивная оценка роли России в разрешении аджарского кризиса. Хотя роль России в этом вопросе была далека от конструктивности. Вспомним хотя бы тогдашние заявления МИДа России, но мы посчитали, что при более активной поддержке режима тогдашнего лидера Абхазии Абашидзе сценарий разрешения конфликта мог оказаться более тяжелым.

Также и в отношении Цхинвальского региона. Мы бы только приветствовали конструктивные действия России по поддержке наших инициатив, направленных на восстановление юрисдикции центральных властей на этой территории. Однако факты подтвердили, что Россия не готова принять новые правила игры. И это проявилось не во время конфликта в Цхинвальском регионе, а во время последней встречи в Стамбуле, на которой Грузия вновь подтвердила свое стремление к евроатлантической интеграции. Для Москвы это было подтверждением того, что новые власти Грузии не будут действовать в соответствии с их интересами. Поэтому я считаю, что любое национальное правительство Грузии, если оно не пойдет на измену, будет проводить курс, который предусматривает: вывод из Грузии оккупационных войск, восстановление территориальной целостности, вхождение в евроатлантическое пространство, и в первую очередь в НАТО. Как выразился президент Саакашвили, «торг по этим вопросам неуместен». Фундаментальная основа наших противоречий именно в этих вопросах, а не в каких-то заявлениях политиков с нашей или российской стороны. Опыт прибалтийских республик свидетельствует о том, что твердая политическая воля и реформы внутри страны являются лучшим средством решения данной проблемы. Я считаю, что политическое руководство нашей страны встало именно на этот путь, и мы шаг за шагом приближаемся к намеченной цели. Общество должно понимать, что подлинная независимость требует жертв, к которым мы должны быть готовы. Вместе с тем я не разделяю высказанного мнения относительно сходства государственных структур России и Грузии. К примеру, реформа в правовой сфере непосредственно связана с борьбой против организованной преступности. В Москве базировались те силы, которые осуществляли экономический и отчасти политический контроль в нашей республике. Они сегодня теряют влияние и ведут беспощадную борьбу за сохранение этого влияния. Поэтому когда мы говорим о достижении независимости от России, необходимо учитывать и этот компонент. В России известным криминальным авторитетам Тариелу Ониани и Япончику присваивают звание почетных граждан страны. А Грузия – страна, из которой такие люди убегают. Думаю, что и в этом заключается принципиальное различие между нами.

Георгий Хелашвили:

- Проблема российско-грузинских отношений является структурной. Она не зависит от двусторонних отношений. Внутренняя политика как России, так и Грузии весьма поверхностно касается этих отношений. Отношения России с постсоветскими республиками за последние пятнадцать лет можно разделить на три этапа. До 1996 года на постсоветском пространстве доминировала Россия. С 1996 до 2001 года наблюдается

процесс ослабления влияния России на Кавказе, Украине и в Центральной Азии. Третий этап, в период которого под предлогом антитеррористической кампании Россия стремилась к восстановлению своего влияния. Четвертый этап начинается с конца прошлого года. Он озаглавлен началом новой холодной войны. Можно сказать, что все ошибки политики Ельцина – концентрация власти в руках олигархов, дисфункция государства, неудачная война в Чечне, экономический коллапс – были исправлены Путиным. Единственное, чего ему не удалось достичь – это восстановления влияния России на постсоветском пространстве.

С начала 2006 года Путин стремится решить и эту задачу. Исходя из этого, лишаются смысла любые политические технологии в отношении России. Эффективность нашей дипломатии или внутривластный консенсус не имеют значения. На постсоветском пространстве формируется антидемократический блок, который противостоит «цветным» революциям. Этому способствует контроль над энергоресурсами не только на постсоветском пространстве, но отчасти и в Европе. Наблюдается постепенный переход от военных рычагов управления к экономическим. Однако с учетом осуществления проекта Баку – Тбилиси – Джейхан, а впоследствии и газопровода, с учетом вывода из Грузии российских военных баз и миротворческого контингента, можно говорить об ослаблении влияния России на Кавказе. Поэтому она стремится использовать все возможные рычаги с тем, чтобы процесс потери влияния не пошел еще дальше.

Грузия может противостоять экспансии посредством вхождения в международные альянсы и посредством достижения внутривластного консенсуса или консолидации. Естественно, одни лишь внешнеполитические альянсы не могут быть гарантией безопасности. Мы находимся в ситуации, когда порой даже за счет эксцессов необходимо формирование системы безопасности. Это необходимо для нейтрализации влияния России. Однако если эти эксцессы не перейдут какую-то допустимую грань, мы рискуем лишиться поддержки Запада, а значит и гарантии нашей безопасности.

Георгий Лордкипанидзе, биофизик:

- Если мы хотим добиться политического консенсуса, то вряд ли оправдано назначать депутату зарплату в три тысячи лари, а ученому платить 50 лари.

Гига Бокерия:

- Вот подобные заявления я как раз рассматриваю в качестве социального популизма. В России, кстати, стремятся сохранить систему советской академии наук, и вряд ли это можно считать прогрессивным явлением.

Иракли Мачарашвили, эколог, НПО Зеленая Альтернатива:

- Я не считаю, что существует принципиальная разница между реформами, проводимыми в России и у нас. Например, реформа лесного сектора Грузии является прямой аналогией российской. И в России, и в Грузии реформы проводят министерства экономического развития...

Лела Гаприндашвили, философ:

- Меня интересует, какими методами намереваются добиться независимости от России оппозиция и власть?

Лаша Нацвлишвили:

- То, что реформы проводятся министерством экономического развития, - это хорошо. Плохо, когда министру обороны приходится торговать вином. В России не проводятся либерально-демократические реформы, там идет национализация, одной из жертв которой стал и Бендукидзе. Кремль становится федеральным офисом «Газпрома». В него входят «Юкос», «Роснефть» и так далее. То есть происходит строительство

государства в государстве. Вера в то, что участие государства в экономике повысит ее эффективность, в корне отличается от позиции, в соответствии с которой необходимы дерегуляция, максимальная приватизация, свобода собственности и так далее.

Давид Паичадзе:

- У меня вопрос к Лаше Нацвлишвили. Вы полагаете, что творцы российской политики зачастую действуют иррационально. Но я считаю, что сами русские легко смогут объяснить мотивацию иррациональных, с нашей точки зрения, поступков. Не является ли нашим мифотворчеством объявление России иррациональным государством? Вот мы были свидетелями успешной рациональной политики прибалтийских стран в отношении России. Кроме того, Россия является важным субъектом международной политики, и она не смогла бы сохранить свой статус в случае исключительно иррациональной политики.

Лаша Нацвлишвили:

- Нет, конечно. Россия максимально рациональна и прагматична в отношении «больших игроков». Однако, на постсоветском пространстве в отношениях с малыми странами Россия готова действовать в ущерб своих интересов для причинения максимального вреда строптивому партнеру.

Гия Готуа, Кавказский институт мира, демократии и развития:

- Мне кажется, обязанностью политиков является сказать народу правду о цене компромисса с Россией. Чем мы конкретно рискуем в случае принятия ее условий и чего конкретно должны ожидать в случае продолжения конфронтации?

Мзия Гвилава, эколог:

- Меня интересует мнение Лашы Нацвлишвили относительно концепции национальной безопасности Грузии.

Лаша Нацвлишвили:

- Я критически отношусь к этому документу. В нем ощущается политическая конъюнктура. Например, когда речь идет о том, что «революция роз» заложила основу стремления грузинского народа к независимости, у меня пропадает желание знакомиться с остальными пунктами концепции.

Георгий Хелашвили:

- Даже такая страна, как США, не имеет такой доктрины безопасности, чтобы рассчитать все возможные опасности. Подтверждением этого могут служить и события 11-ого сентября 2001 года. Что касается Абхазии и Южной Осетии, то необходимы какие-то фундаментальные сдвиги, чтобы там что-либо изменилось. Переговоры между государствами, дипломатия и уступки, к сожалению, не решают эту проблему. Иллюзией является надежда на то, что прямые диалоги с абхазской или осетинской сторонами что-то изменят. Должны произойти структурные изменения: смена режима в самой России, обострение ситуации на Северном Кавказе до такой степени, что Россия и Грузия придут к какому-то общему знаменателю. Третье – это начало новой холодной войны, которая прочертит линию по кавказскому хребту, лишив Россию политического влияния на Южном Кавказе. Угадать, по какому сценарию произойдет развитие событий, невозможно.

Георгий Сиамашвили